

Глава 11

Ты свободен

Испытующий взгляд Бастера, которым он смерил Сына Бога, стал ещё более пристальным. Казалось, он сомневался в искренности этой бескорыстной молитвы.

Будучи Капитаном Бури, Бастер, разумеется, многое слышал о Сыне Бога ещё до его спасения. Помимо истории о резне в городе, до него доходили слухи о его умении подчинять себе людские сердца.

Говорили, многие, поддавшись его чарам, пытались устроить ему побег или добиться справедливости.

Все эти попытки заканчивались одинаково — казнью предателей.

Заклятие молчания, наложенное на Сына Бога, очевидно, было следствием страха короля. Поэтому ни Бастер, ни Мадонна не удивились, узнав о нём.

Но если Сын Бога и впрямь был столь самоотверженным и бесстрашным, как он мог совершить такое зверство, как уничтожение целого города? И почему его самого заточили в подземелье, выкопали глаза и лишили голоса?

Может, это всё игра? Попытка завоевать его доверие?

А затем использовать его? Заставить отомстить за себя?

Бастер слегка прищурился.

Впрочем, Бастер стал Капитаном Бури не только благодаря своей выдающейся силе и боевым навыкам, но и потому, что умел думать своей головой. Он не спешил верить чьим-то словам, даже если все вокруг твердили, что это истина. До тех пор, пока он сам не найдёт неопровержимые доказательства, он будет придерживаться собственного мнения.

Конечно, лишь при условии, что ему вообще захочется искать ответы.

На данный момент кровавые грехи Сына Бога и его история не интересовали Бастера.

Их связывало лишь деловое партнёрство. Когда всё закончится, их пути разойдутся, и они больше никогда не пересекутся.

Капитан Бури молчал, не сводя глаз со стройной, прекрасной спины Сына Бога.

Его взгляд скользил по длинным волосам, по измятой одежде и проступавшим под золотыми прядями и тонкой тканью алым рубцам.

Бескрайняя белая равнина оставалась безмятежной, словно ничего не происходило.

Терпение, которого у Капитана Бури и так было немного, окончательно иссякло. Он нахмурился, собираясь подойти и взвалить Сына Бога на плечо, чтобы унести обратно на корабль.

Пусть состояние Марка и было плачевным, но на корабле имелось всё необходимое оборудование и ресурсы, да и Мадонна была под рукой в качестве временного лекаря. В любом случае, это было лучше, чем тратить здесь время впустую.

Но стоило ему сделать шаг, как он заметил, что над безмолвной статуей заплясали крошечные золотистые искорки.

Эти частицы света парили в воздухе над белой пустыней, а затем медленно опускались, словно морозящий дождь, мягкий и невесомый.

Бастер увидел, как тело Сына Бога, прильнувшего к статуе, словно ласковый котёнок, внезапно обмякло.

Он не раздумывая бросился вперёд.

Обхватив Сына Бога за талию, Бастер подхватил его на руки, позволяя ему бессильно склониться к своей груди.

— Эй, — Капитан Бури отступил на шаг, холодно глядя на статую.

В другой руке он всё ещё держал двух связанных цыплят.

— Если нужна жизненная сила, можешь взять мою, — ледяным тоном произнёс Капитан Бури.

Божественной силой он, может, и не мог поделиться, но жизненной энергии у него было в избытке. Он не считал, что в этом уступает какому-то божеству.

Незачем вытягивать её из этого хрупкого юноши.

Однако золотистые искорки, казалось, совершенно не обращали внимания на слова Капитана

Бури. Они продолжали свой танец в небе, плавно смещаясь в сторону Марка.

— Ты хочешь его смерти?! — не получив ответа, проигнорированный Капитан Бури начал закипать.

К счастью, статуя ответила прежде, чем его гнев достиг точки кипения.

— Я не забираю его жизненную силу...

Капитан Бури не ожидал, что статуя заговорит. Он крепче прижал к себе Сына Бога и отступил ещё на полшага, принимая оборонительную стойку.

Это был женский голос — низкий, нежный, священный и неземной.

Кажется, это была общая черта всех божеств: как и Сын Бога, статуя говорила мучительно медленно.

Бастер дождался, пока она произнесёт последнее слово, и только потом ответил:

— Тогда что с ним случилось?

Ещё мгновение назад он был в порядке, а теперь без сознания!

Статуя молчала.

Спустя долгое время она с вздохом произнесла:

— Он слишком слаб...

Из пустоты возникла золотая световая нить, обратившаяся в тонкую руку, которая медленно потянулась к Сыну Бога, послушно лежавшему в объятиях Бастера.

В её голосе звучало сострадание, и рука, коснувшаяся прекрасного лица юноши, была полна нежности.

— Его божественная сила почти иссякла, а жизненная... хоть и восстанавливается, но она слаба, как у новорождённого младенца.

Кончики пальцев скользнули по лицу, ещё сохранившему юношескую мягкость, но уже обладавшему завораживающей красотой, и задержались под глазами.

Капитан Бури, державший Сына Бога, недовольно отстранился, уводя его от прикосновения.

Хотя он и сам не понимал, что именно его раздражало.

Капитан Бури с мрачным лицом продолжил допрос:

— Только не говори мне, что эти золотистые искорки — твоя жизненная сила.

Статуя не обиделась и прямо ответила:

— Да, — сказала она.

Бастер на мгновение замер, затем опустил взгляд на Марка, которого держал в руке, и увидел, как иссохшая кожа его товарища постепенно наполняется жизнью. Морщинистая, обвисшая кожа разглаживалась, а её цвет менялся с землистого на здоровый, человеческий.

...Неужели он и вправду оживает?

Бастер хотел было встряхнуть Марка, чтобы проверить, жив ли он на самом деле или всё ещё на грани смерти. Но его внимание тут же отвлекла золотая рука, снова потянувшаяся к Сыну Бога в его объятиях.

Он метнул на неё холодный взгляд, но рука уже коснулась юноши.

Капитан Бури собирался снова отступить, но заметил, что шрамы на теле Сына Бога, которых коснулась золотая рука, начали меняться.

Кожа златовласой принцессы была белоснежной, и алые рубцы на его руках бросались в глаза.

Но стоило золотым пальцам коснуться их, как багровые следы начали бледнеть на глазах, и раны мгновенно исчезли.

Руки Бастера сработали быстрее, чем его мозг.

Он отбросил в сторону проходящего в себя Марка и его возлюбленного и быстро сдёрнул с Сына Бога куртку. Схватившись за подол рубашки, Бастер одним движением сорвал её.

Прямолинейный, как таран, Бастер не видел в этом ничего предосудительного. Всё равно здесь были только они вдвоём...

...

Те двое в отключке не в счёт.

...

И целительница тоже.

В общем, можно считать, что они одни. И оба мужчины. Даже если бы они были голыми, ничего страшного бы не случилось.

Поэтому Бастер совершенно спокойно сорвал с него одежду.

— Заодно и это вылечишь.

Вспомнив, что на ногах Сына Бога тоже могли быть раны, Капитан Бури, не раздумывая, потянулся к его брюкам. Но не успел он расстегнуть ремень, как юноша в его руках начал отчаянно вырываться.

Бастер раздражённо прорычал:

— Лежи смирно!

Сын Бога, казалось, и не думал его слушать. Он обеими руками вцепился в широкую ладонь Бастера, пытаясь оттащить её.

— Всё равно не справишься, твоё сопротивление бессмысленно... — терпение Капитана Бури было на исходе. Он нахмурился, готовый взорваться, но, увидев лицо Сына Бога, замолчал.

Переплетённые шрамы на теле златовласого юноши, которого касалась золотая рука, почти зажали. Но его лицо по-прежнему выглядело ужасно. Нет, даже хуже, чем до того, как они вошли в гробницу.

На лице с сомкнутыми веками не было ни кровинки. Он обеими руками давил на руку Бастера, пытавшуюся расстегнуть ремень, отчаянно отталкивая её. Его тело мелко дрожало.

Бастер замолчал.

— Над тобой издевались?

Капитан Бури никогда не был в темницах, но он знал о человеческой жестокости. Знал, что, получив хоть каплю власти, люди начинают упиваться ею, унижая других.

Особенно мужчины. Большинство из них — безмозглые животные, ведомые похотью. Если бы в человеческом обществе было принято метить территорию спермой, мир, вероятно, наводнили бы голые двуногие твари.

А ведь это был Сын Бога.

Прекрасный, святой, единственное живое напоминание об эпохе, когда боги ещё не покинули этот мир.

...Кто бы не захотел вкусить божественного?

В тот момент, когда Бастер погрузился в свои мрачные, сумбурные мысли, его прервал женский голос статуи.

— Он не подвергался такому грязному насилию, — в её голосе звучало спокойствие и сострадание. — Если он не желает, никто не сможет его унижить.

Сын Бога, который даже на эшафоте не согнул колен, и в застенках сохранил свою гордость, ни разу не покорившись боли.

Вспыхнувший было в груди Капитана Бури гнев медленно угас.

Он смотрел на этого прекрасного юношу.

Ресницы на сомкнутых веках мелко дрожали. Костлявые пальцы, побелевшие от напряжения, казались ещё более бескровными.

Золотые волосы рассыпались по плечам, словно водопад. Несколько прядей в пылу борьбы переплелись с волосами Бастера, и стоило ему пошевелиться, как юноша, морщась от боли, вынужден был прильнуть к нему ещё ближе.

Но он не сдавался. Готовый скорее вырвать волосы, чем подчиниться, он продолжал вырываться.

Капитан Бури видел и его нахмуренные брови, и страх в его глазах.

Только сейчас он по-настоящему осознал, что так называемый Сын Бога, похоже, был всего лишь обычным, измученным человеком.

Кроме своей невероятной красоты, Сын Бога ничем не отличался от простых смертных.

Непонятно почему, в груди шевельнулось странное чувство. Он не мог определить, что это было — сочувствие, жалость или, может быть, капля любопытства к его прошлому.

Эти странные эмоции заставили Бастера невольно обводить взглядом его брови, изгиб губ, оставшиеся на теле шрамы.

...Бастер, ещё мгновение назад уверенный в своей непоколебимости, вынужден был признать, что слухи не лгали. Если это и было одним из способов Сына Бога подчинять себе волю, то он был в этом мастером.

По крайней мере, сейчас Бастер действительно дрогнул.

Он никогда прежде не сочувствовал незнакомцам!

Прокрутив в голове всё снова и снова, Капитан Бури почувствовал одновременно и беспомощность, и растерянность.

Он снова натянул на юношу сорванную с него одежду и положил ладонь ему на затылок.

Подумав мгновение, Капитан Бури вспомнил, как в детстве его няня утешала плачущего младшего брата. Он наклонился и крепко прижал юношу к себе.

— Всё хорошо.

Он понизил голос, и в его движениях сквозила непривычная неловкость.

Он неуклюже похлопал юношу по спине и, услышав сдавленный стон, понял, что перестарался. Он тут же ослабил хватку.

Медленно, осторожно, он начал поглаживать его по спине.

— Всё хорошо, — неуклюже повторял он, и в его голосе звучала мягкость и сострадание, которых он сам не замечал.

— Теперь ты свободен.